

Академик Борис Викторович Раушенбах в богословии.

Двадцатый век, век атеистического разгула, когда наука перестала быть просто рациональным способом познания мира, и люди превратили ее в своеобразного идола, которому отведено было право доказывать, есть бог или нет и быть последней инстанцией во всех вопросах познания. Казалось, в науку поверили все, достижения ее были потрясающи – человек проник в мир атомного ядра и элементарных частиц мироздания и прорвался в просторы космоса. Кто из нас, мальчишек шестидесятых, в восторженных мечтаниях не представлял себя отправившимся в загадочные путешествия микро- и мегамира? А те ученые, трудами которых был совершен этот прорыв научно-технического прогресса, были национальными и даже всемирными героями. Что касается имен исследователей атомного ядра и космических полетов, то они в основном были засекречены и окружены ореолом тайны. Ну, а вера? Она объявлялась пережитком прошлого, политический вдохновитель космических полетов Н.С. Хрущев обещал вскоре показать последнего попа. Считалось, что в основном, с верой покончено, оставалось еще замести мусор. И вот, в то время, когда церковь прославилась своими мучениками и исповедниками и все глубже загонялась в интеллектуальное гетто, появлялись не многие, но поразительные люди науки, выдающиеся ученые, исповедовавшие свою веру – священник и профессор, ученый инженер и богослов о. Павел Флоренский, философ А. Лаосский, архиепископ, хирург, профессор Лука (Войно-Ясенецкий). Их имена прославлены и известны. И вполне в ряд с ними можно поставить одного из основоположников космонавтики, человека, труды которого сделали возможным полет человека в космос – академика Б.В. Раушенбаха. Борис Викторович еще в советские годы обращается к богословской тематике. Прорвавшийся в космическое пространство советский ученый, человек, возросший и вскормленный в системе воинствующего атеизма, прорывается в мир духовный, в мир Царства Небесного, богословствует, а в конце жизни принимает и святое Православие.

Представляют ли работы Бориса Викторовича, только интерес, как работы человека точной инженерной науки, прикоснувшегося к богословию или они значимы для самого православного богословия? Каково их значение в том историческом времени, когда они были написаны? Об этом и предлагаются читателю некоторые наши рассуждения.

Мы коснемся таких вопросов.

1. Метод и стиль богословствования академика Б.В. Раушенбаха.
2. Исторический трактат Б.В. Раушенбаха «Тысячелетие Крещения Руси».
3. Догматическая работа в области тринитарного богословия «Логика троичности».
4. Работы Б.В. Раушенбаха по теории иконографии «Предстоя Святей Троице», «Путь созерцания» и «Четырехмерное пространство».

1. Метод и стиль богословствования академика Б.В. Раушенбаха.

Православие трех святых именуется Богословами – Иоанна, Григория и Симеона и, соответственно, три вида богословия. Св. апостол Иоанн имел откровения от Бога. Борис Викторович таковых, конечно, не имел. Прп. Симеон Новый Богослов был аскет-подвижник, опытный делатель молитвы. Таковым Борис Викторович тоже не был. Наконец, св. Григорий Богослов богословствовал от Писания. Догматистом-экзегетом от Писания Борис Викторович тоже не был. Но, тем не менее, к методу св. Григория Раушенбах близок в том плане, что на всю мощь позволяет раскрыться человеческой логике. Метод Раушенбаха – это метод «от разума» и, что некоторым богословам может показаться предосудительно, это – метод формальной логики. Формальная логика и в науке то властвует не беспредельно. Многие ученые и исследователи шли гораздо чаще путем интуиции. Человеку дана возможность интуитивного познания

мира. А здесь речь о Богопознании и вдруг – формальная логика! Не возврат ли это к схоластике и, уже не раз поставленному на место «школьному богословию»? А у Бога все методы хороши! Всё на своем месте! Худо когда некий метод не помнит своего места, тогда все перепутывается и загоняется в тупик. Мы же имеем возможность сказать, что академик Раушенбах пользуется методом формальной логики столь же смело, сколь и осторожно. Он прекрасно понимает ограниченность возможностей человеческой логики и, одновременно, ее огромную мощь. Касаясь церковной истории, искусствovedения и иконографии, и даже тринитарного богословия, академик очень аккуратно и бережно пользуется великолепно освоенной им в науке формальной логикой и высвечивает нашему сознанию то, что им может быть осознано. Богословие Раушенбаха – это из области «возсия мирови свет разума» (тропарь на Рождество Христово).

2. Исторический трактат Б.В. Раушенбаха «Тысячелетие Крещения Руси».

Статья Б.В. Раушенбаха «Тысячелетие Крещения Руси», опубликованная в журнале «Коммунист» (№12, август 1987 г.), конечно, не является исследовательской работой церковного историка. И когда эта статья стала переводиться на разные языки и публиковаться в разных зарубежных изданиях, включая «Курьер Юнеско», а на самого академика обратили внимание, уже не в связи с запуском космических ракет, а в связи с историей Крещения Руси, то академик к этому относился сам с достаточным чувством юмора и считать себя церковным историком не стал. Что называется «ума хватило»! И, тем не менее, статья эта важна и через нее нечто произошло! Можно отметить два момента.

Момент первый. Св. апостол Павел писал, что он для иудеев – иудей, для эллинов – эллин. Христос-Спаситель для иудеев должен быть Мессией Израиля, для эллинов – вполне понятен в категориях мышления Платона – Аристотеля и даже античного театра. И это сумели сделать апостол Павел и последующие за ним восточные святые отцы.

Возможен ли такой подход к научному атеизму советских времен? Научный атеизм Маркса, Энгельса, Ленина дал нам кровь новомучеников и исповедников Российских, повергнутые в руины храмы, поругание святынь, духовно одичавший в неверии народ. Может ли после всего этого у христианина быть диалог с научным атеизмом? Казалось бы, нет! Возможно только свидетельство и дискуссия. На этой позиции и стояли верующие. Даже именуемые ныне сергианами (лояльное отношение к советской власти) и то стояли, практически, на этой же позиции, делавшей диалог с атеистами невозможным. И вот, накануне празднования Тысячелетия Крещения Руси статья академика-ракетчика в журнале «Коммунист». Статья любопытна тем, что вписывает событие Крещения Руси при князе Владимире в концепцию Фридриха Энгельса, как «значительный шаг вперед». Как, по Энгельсу, Реформация в Европе – она же и Ренессанс (Возрождение), так по Раушенбаху Крещение Руси – оно же и Возрождение, и гигантский рывок во всех сферах жизни Древней Руси. Академик Раушенбах отмечает значение Крещения Руси для феодализации Руси после родоплеменных отношений, для централизации и объединения восточнославянских племен в единое государство, для возникновения нового права, новых обычаев, нового общественного сознания. Князь Владимир ввел варварскую языческую Русь в сонм цивилизованных Европейских Государств. Отличается тонкое духовное, культурное и политическое чутье князя Владимира, позволившее князю отдать предпочтение именно византийскому варианту на фоне предлагавшихся других. Раскрывается мудрость князя Владимира в проведении общенациональной реформы. Раушенбах проводит параллель между князем Владимиром и царем Петром I, что делает совершенное Владимиром

более приемлемым для коммунистов. Далее Раушенбах раскрывает просветительскую деятельность князя Ярослава Мудрого, как результат христианизации Руси.

Так Раушенбах и не по лукавству, а по совести, загоняет представителей научного атеизма в своеобразную ловушку – теперь они сами, всячески стараясь умалить значение события Крещения Руси, пытаются представить его только Реформацией Руси и никак не Ренессансом, оказываются против Энгельса. Восхищенный же событием Крещения Руси академик мыслит по Энгельсу! Вступить в дискуссию марксисты не смогли. Их идеология в борьбе с Богом обессилила. Их время приходило к концу.

Момент второй. Началась перестройка в СССР. Сначала казалось со стороны – очередная, мало что значащая, компания в недрах социалистической системы, очередные лозунги и «исторические» деяния КПСС.

В 1987 г. Мало кто чувствовал, куда идет дело. Теперь события конца 1980-х – начала 1990-х всем известны. В том числе и бесславный конец государственного атеизма, и возрождение веры и православия в стране. Тысячелетие Крещения Руси послужило началом Второго Крещения Руси. Но ведь были и те люди, которые в то суровое для веры время были исповедниками ее, те, через кого произошел излом в нашей истории. Хорошо говорить, и верить, и богословствовать сейчас, но кто-то это сделал уже тогда. Чья-то жизнь и силы ушли на эту неравную схватку. Кто-то при этом надломился, кто-то выстоял. Статья Б.В. Раушенбаха о Крещении Руси – из этой схватки. Яркие проповеди, статьи и книги редких священников и мирян, не смирявшихся перед богопротивной системой и через то делавшихся прокаженными и опасными в гражданской и церковной среде. Поразивший многих роман «Плаха» Чингиза Айтматова, киргизского писателя, открыто сказавшего о Христе при полном молчании писателей русских. И, наконец, статья академика-ракетчика накануне великого юбилея Тысячелетия Крещения Руси, при полном молчании всей советской общественности. Все это можно назвать одним словом – прорыв. Раушенбах был одним из его участников.

3. Догматическая работа Б.В. Раушенбаха в области тринитарного богословия «Логика троичности».

Трудно сказать что-либо новое о Троице после святых отцов первых четырех веков. Все, что можно сказать, сказано. Но вопрос в другом – что делать с этим сказанным? Или как-то отойти от прямого следования формулировкам Никео-Цареградского Символа Веры и сделать догмат удобоприемлемым для разума, (что, в некотором смысле делает Е.Н. Трубецкой) или следовать в прямом смысле Символу и оказаться перед абсолютной алогичностью догмата? По второму пути идет о. Павел Флоренский и утверждает, что алогичность догмата скорее и свидетельствует о его истинности и преодолевается подвигом веры. Б.В. Раушенбах не хочет смириться ни с одним из этих двух путей. Он задается вопросом – а нельзя ли в прямом [смысле] принимать формулировки Символа Веры, как это делал Флоренский, но при этом найти логическую модель, согласно которой тринитарный догмат Символа вполне логичен. И тогда по Раушенбаху, вера нужна не для того, чтобы верить в логические нелепости, к чему он сводит мнение Флоренского, а для того, чтобы верить в непостижимую тайну Божьего существа.

Напомним суть проблемы и позиции Трубецкого и Флоренского.

По Символу Веры – Отец есть Бог, Сын есть Бог, о Святом Духе православная догматика говорит то же самое, хотя в Символе Веры это на прямую не сказано. Итак – Отец есть Бог, Сын есть Бог, Дух Святой есть Бог, Отец не Сын и не Святой Дух, Сын не Отец и не Святой Дух, Святой Дух не Отец и не Сын. При этом не три Бога, а один Бог. С точки зрения формальной логики такое утверждение есть абсолютный абсурд.

Е.Н. Трубецкой выходит из этого абсурда тем, что считает утверждения Отец есть Бог, Сын есть Бог и Святой Дух есть Бог не точными. Нет трех Богов. Отец, Сын и Святой Дух – это Ипостаси Божьи. Ипостасей три, а Бог один, существо Его едино.

Священник Павел Флоренский принимает все три вышеозначенные утверждения в прямом смысле и говорит, что истина есть антиномия. Тезис и антитезис и не должны быть примирены, это ведет к ересям, они должны оставаться во всей своей противоположности, и взяты в синтезе. Совершить это возможно через подвиг веры.

И самое поразительное, что Б.В. Раушенбах находит в математике модель, согласно формальной логике вполне соответствующую логике тринитарного догмата Символа Веры. Это модель вектора и его трех составляющих в трехмерной системе координат. Для людей навывших к математике модель довольно простая. Б.В. Раушенбах находит тождество в логических свойства вектора с его тремя составляющими и логических свойствах троицы. Таким образом, учение о Троице в его точном и прямом следовании Символу Веры приведено в соответствие с формальной логикой! Говорят, что в четвертом веке даже торговки на базаре говорили и спорили о Троице. Если бы сейчас ситуация была подобной, то статья Раушенбаха прозвучала бы взрывом бомбы и все говорили бы о ней. Но времена иные и проблемы иные. Другие вопросы будоражат умы людей, в том числе и верующих. Потому и статья академика проскользнула почти незаметно, спокойно. Но, тем не менее, учение о Троице и сейчас и всегда – основа всех основ, а потому и означенная статья весьма важна.

Что скажем о содержании статьи Раушенбаха «Логика троичности»? Статья фундаментальна, но в Богопознании и она точку не поставит. Богопознание – бесконечно. Вот некоторые наши суждения.

Утверждение о. Павла Флоренского об антиномичности догматов и догмата Троицы в частности, теория относительности и квантовая механика в физике воспитали нас в том, что антиномичность и парадоксальность, преодолевая формальную логику, и являются подлинной логикой мира, как она нам открыта теперь. Не все физики смирились с такой ситуацией. Неоднократно предпринимались попытки вновь все свести к здравому смыслу, то есть к формальной логике. Правда, пока успех на этом пути не достигнут и парадокс антиномичности по-прежнему господствует в физике. И, вот, Раушенбах пытается упразднить его в богословии и небезуспешно! Итак, кто же прав – антиномисты или логики? Пока трудно однозначно склониться к тем или другим. Нужны время, факты, учение.

Что касается соответствия логической модели вектора и Троицы, то все, сказанное Раушенбахом относительно первых пяти логических свойств (Триединость, единосущность, нераздельность, соприсущность и специфичность) вполне безупречно. Напряжение возникает при рассмотрении шестого свойства – взаимодействия. Чувствует это и сам досточтимый автор. Подобие только в одном – три ипостаси Святой Троицы взаимодействуют и три составляющих вектора взаимодействуют тоже. Но сам характер взаимодействия совершенно различен. В Троице – Отец рождает Сына и от Отца исходит Дух Святой. В векторе – векторная сумма трех составляющих дает сам вектор, и при этом действуют законы векторной алгебры. Здесь подобия нет никакого. Одна составляющая вектора не рождает другую и не изводит из себя третью. Это несоответствие оставляет логическую модель вектора только неким приближением к учению о Троице, а не его подобием. Подобие не найдено! Тайна осталась. Утверждение академика Раушенбаха, что подобие найдено преждевременно, но, благодаря академику мы можем утверждаться в том, что вера нужна для постижения тайн, а не логических нелепостей. Что касается учения о Троице, думается нам, что однозначная логическая модель не будет найдена никогда. Невозможно видеть Бога лицом к лицу и остаться живым (Исх. 33, 20-23). Титанический труд святых отцов VI-го века также не привел к такой модели. Отцы остались верны Богооткровенному Писанию и выразили его учение на языке эллинизма (неоплатонической философии),

языке, может быть далеко не самым удачным для этого, но надо было до конца довести начатое апостолом – стать эллином для эллинов. Однако и любой другой человеческий язык, и даже ангельский, не могут выразить Бога. Мы всегда, как и Моисей, будем видеть Бога – сзади, а лицо Его не будет видимо (Исх. 33, 23). И вот тут нужна вера, вмещающая веру в сердце.

Кстати, о физике. Вполне возможно, что и здесь удастся найти теорию, согласно которой и постоянство скорости света и вытекающие из него странности с радикалом Лоренца, и корпускулярно-волновой дуализм микрочастиц найдут свое логическое объяснение, а пока надо принимать антиномические парадоксы.

Ну, а вектор Раушенбаха вправе войти в богословие, как на сегодня, пожалуй, лучший вариант логического оправдания догмата о Троице в Божественной Феодицеи.

4. Работы Б.В. Раушенбаха по теории иконографии.

Работы академика Раушенбаха по иконографии вполне в русле современного богословия иконы таких богословов, как священник Павел Флоренский, Л.А. Успенский и др. Тема православной иконы многократно раскрывалась в последнее время. В соответствии с указанными богословами, Раушенбах видит божественность в иконе Рублевского стиля и утрату того, что есть православная икона в живописи эпохи Ренессанса. Обратим наше внимание на три статьи академика Раушенбаха.

Статья «...Предстоя Святей Троице».

В этой работе на иконографическом материале Б.В. Раушенбах раскрывает и иллюстрирует свою теорию логики Троичного догмата. Он показывает, что эта логика, основанная на шести логических свойствах: триединость, единосущность, нераздельность, соприсущность, специфичность и взаимодействие, восполненных еще свойствами святости и живоначальности, вполне выражена в иконе прп. Андрея Рублева «Троица» и теряется в иконах предыдущего и последующего времени. Раушенбах показывает утрату троичной логики уже в иконе XVI века «Новозаветная Троица» и далее в иконах «Троица» Симона Ушакова (1671 г.) и «Троица» из церкви Троицы в Никитниках в Москве (сер. XVII в.). Об утрате догматического учения в переходе от рублевской иконы XV века к последующей иконе с большим или меньшим воздействием Ренессанса сказано уже много. Вклад Бориса Викторовича в рассмотрении этого процесса относительно изобразительной иллюстрации логике догмата о Святой Троице.

В статье «Путь созерцания» академик Б.В. Раушенбах размышляет над двумя путями познания: путем логического мышления и путем созерцания. Раушенбах показывает преимущество пути созерцания и те иконописные приемы, которыми в Средневековье достигалось богословское и философское созерцание через икону на примерах «Распятия» (Феофан Грек, Прохор с Городца, Андрей Рублев), «Успения» (Москва, ок. 1479 г.), «Рождества Христова» (кон. XV – нач. XVI вв.) и «Сретения» (Мастерская А. Рублева, 1408 г.). Новая живопись ренессанса лишила икону этого созерцательного восприятия и погрузила ее в мир человеческой логики и чувств, что в особенности показано Раушенбахом на примерах гравюры А. Дюрера «Успение» (1510 г.), фрески Джотто «Сретение» (1305 – 1307 гг.) и его же алтарного образа «Сретение». По Раушенбаху, глубина философии и богословия была вытеснена из икон и изображений и вынуждена была перейти на страницы книг.

Своеобразна статья «Четырехмерное пространство». Математик Раушенбах рассуждает о способе изображения четырехмерного пространства в трехмерном. Он находит для этого своеобразный способ на примере изображения трехмерного пространства на плоскости для плоских субъектов. А далее показывает, что этот способ уже был разработан иконописцами Средневековья. Для них четвертое измерение было

мистическим в отличие от обыденного (трехмерного) мира. Академик Раушенбах показывает, как это все опять-таки терялось в результате влияния на икону Ренессанса. Наивный реализм вытеснил мистический образ, который иконописцы научились вносить в обыденную реальность.

Вот так советский академик вошел в реку православного богословия XX века. Вошел в богословие и потрудился в нем, а что касается логики триединства, кажется, и внес в него нечто существенно новое и важное.

Протоиерей Геннадий Фаст,
Кандидат богословия МДА и физик по первому образованию,
г. Енисейск,
А точнее, Тысячечечная больница (БСМП) в г. Красноярске,
15 февраля 2004 год,
Сретение Господне